

РЕЛИГИОЗНОСТЬ И МОРАЛЬ В РАННЕМ НЕМЕЦКОМ РОМАНТИЗМЕ

В условиях духовного кризиса современная философия закономерно обращается к творчеству романтиков, решению ими проблемы человека, его культуры. Отсюда – необходимость и актуальность исследования феномена романтизма и, прежде всего, его зрелой формы, в которой сущность романтизма выражена наиболее чётко. Такова деятельность Йенского кружка романтиков. Их философская рефлексия суть "романтический проект" новой культуры, раскрывающий иной, противоположный просветительскому, принцип жизни и творчества человека.

Для ранних немецких романтиков высшая цель (смысл, назначение) духовной деятельности (творчества) современного им человека – соединение его с Богом. Именно так, по их мнению, он может вновь обрести себя, свою целостность, вернуться к идеалу, к своему Первообразу. Как носитель рационалистической культуры человек отпал от Бога, утратил себя (свою духовную целостность и нравственные ориентиры), стал частичным, односторонним... Это означает состояние внутренней раздвоенности, разорванности сознания. В преодолении этого состояния, этой «болезни духа» романтики видели основную проблему своей эпохи.

Её решение в раннем немецком романтизме реализуется в проекте новой мифологической, то есть целостной, культуры, охватывающей не только искусство и философию, но и морально-религиозную сферу. Для романтизма характерен эстетизм, а эстетическое сознание (искусство, поэзия) сродни мифологическому. Одной из общих черт для них является символизм. И в мифологии, и в искусстве адекватное познание сущности мира выступает в художественных образах-символах, в которых идеальное и реальное, чувственное и рациональное, единичное и общее слиты в неразрывное единство. Как и мифология, искусство (поэзия) есть синтетическое, синкретичное, а потому и универсальное сознание. «В искусстве есть не только разум, но и душа; целое в нём непостижимым образом предшествует частям; искусство есть живая целостность» [1. С. 276].

В рамках новой мифологической культуры («новой мифологии») искусство в раннем немецком романтизме имеет ярко выраженный религиозно-мистический характер. Оно выступает как символ веры, символическое познание Бога. Вакенродер называет его «чудесным языком, на котором смертные выражают божественное во всей его силе» [2. С. 72]. Из слияния искусства с религией возникает «самый изящный поток жизни».

Начиная с 1799 года под влиянием Ф. Шлейермахера интерпретация всей культуры в раннем немецком романтизме, претерпев метаморфозу, обретает глубокий религиозный смысл. Ведущий теоретик йенского кружка Ф. Шлегель говорит о религиозном преобразовании всех сфер человеческой культуры как необходимым условием их полного и всестороннего развития. Примерно такая же по смыслу идея выражена и в речи Новалиса «Христианство и Европа», где будущее Европы, её социальное «спасение» ставится в зависимость от возвращения к религиозно-нравственному мировоззрению как основе основ духовной жизни человека... Это значит, что в романтизме все формы сознания, в том числе и мораль, принимают религиозную окраску. По В. М. Жирмунскому, романтизм – это «специфическая форма религиозно-мистического сознания» [2. С. 6].

Романтики выступили против идеологии Просвещения, поскольку оно, по их мнению, лишило религию её высокой гуманистической миссии, отодвинув её на периферию духовной культуры. Нравственный человек как просвещённый человек (учёный) в просветительской трактовке не обязательно религиозен. Для романтиков же религия и мораль нераздельны. Они соединяются в «истинную жизнь», концентрируясь в творчестве художника-гения. Художник как субъект творчества не может не быть религиозным и моральным. В образе художника в своих «Идеях» Ф. Шлегель видит воплощение идеала человека. Это подводит нас к мысли, что для романтиков «быть благочестивым» и при этом «быть безнравственным» невозможно.

Более того, мораль у романтиков полностью растворяется в религии, составляя с ней единое целое. Добродетель осознаётся ими как направленность души к Богу, «наслаждение Богом». Быть нравственным для них означает быть религиозным, творить в себе «идеал бесконечного». И наоборот: быть религиозным значит быть нравственным. Другими словами, внутренне преображаться в соответствии с божественным Первообразом. «Главное, надо быть полным бесконечного, и чтобы всё было по идеалу бесконечного. Быть религиозным – значит поступать так, чтобы во всяком движении, внешнем и внутреннем, было дыхание религиозного воодушевления и благоговения», – говорит Ф. Шлегель. (О философии. К Доротее.) [2. С. 163].

Отвергая просветительскую трактовку духовной культуры, которая для них исключает религию, романтики не принимают и позицию Канта, который полностью подчиняет религию императиву морали, отводя ей вспомогательную роль. Он говорит: «Для себя самой... мораль отнюдь не нуждается в религии; благодаря чистому практическому разуму она довлеет сама себе» [3. С. 78]. Религия у него не причина морали, а её следствие. Мораль же – это нравственный закон, который даётся разумом. По Канту, не заповеди Бога, а

* © В.В. Окружко, Красноярский государственный университет, 2006.

долг перед человечеством заставляет нас вести себя нравственно. Мораль, следовательно, у него не религиозна, хотя он и не отрицает необходимости религии для человека, поскольку полагает, что последняя облегчает выполнение им норм морали и прежде всего категорического императива.

У романтиков же мораль скорее выступает как форма проявления их религиозности. В этой связи они ставят проблему «новой этики» и преодоления «морализма» (формализма, ригоризма и рационализма...), свойственного этике Канта и Фихте. «Формула долга» Канта, приоритета *ratio* над «сердцем» для них была совершенно неприемлема. У Канта, по их мнению, долг – нечто общее, внешнее и формальное. Он не учитывает индивидуальности, неповторимости каждого человека. Этика романтиков наполняется содержанием глубокого религиозно-мистического, и вместе с тем и морального, чувства, а потому она не есть нечто формальное. Она должна выражать внутреннюю потребность индивида, исходить из глубины его чувства (сердца, души...), быть естественным свойством его души, а не чем-то извне навязанным. Ведь в каждом человеке Бог проявляется по-своему. Нельзя принуждать свою чувственную природу (любовь), ибо она есть воплощение изначальной, естественной свободы индивида, на которой зиждется мораль.

Исходный пункт и основополагающий принцип религиозности и морали в романтизме – это внутренняя свобода человека, его индивидуальность, неповторимость. «К бесконечному каждый идёт своим путём. В каждом индивидуальном существовании есть своя внутренняя метафизическая необходимость; всё многообразие, вся полнота индивидуального существования находит себе место в романтической этике» [2. С. 95]. «Монологи» Шлейермахера направлены против Канта и Фихте, хотя он и исходит из признания всеобщности нравственного долга. Каждый человек, говорит Шлейермахер, должен найти свой путь, своё вечное назначение в мировом порядке: «Нравственность человека должна быть одеянием и покровом его внутреннего своеобразия...» [4. С. 312].

В романтизме сущность человека не есть нечто общее, одинаковое для всех; она состоит в уникальности, неповторимости каждого отдельного индивидуума и потому является продуктом его собственного свободного творчества, которое созидает его внутренний мир. «Чем оригинальнее, тем гениальнее» – известная формула молодого Ф. Шлегеля. Человек как микрокосм, по его мнению, есть нечто постоянно становящееся («становление Я»), а не раз и навсегда данное (бытие, ставшее, застывшее...). Важнейшим условием его гармоничной и нравственной жизни является творческое развитие его индивидуального «Я», его восхождение к общечеловеческому, универсальному.

В этом смысле каждый человек, образуя себя, создаёт целостную человеческую культуру. Все вместе идут к одной, общей цели – к Богу. Но у каждого своя дорога к нему! Шлейермахер отмечает: «Жить гармонично и следовать простой и прекрасной нравственности может лишь тот, кто, ненавидя омертвевшие формулы, ищет своеобразного развития и потому принадлежит грядущему миру...» [4. С. 314]. В этом же произведении он, имея в виду своё собственное мировосприятие, восклицает: «Так стало мне ясно, что каждый человек особенным образом представляет человечество... эта мысль особенно воодушевила меня, ... с ней я чувствую себя отдельно желаемым и, следовательно, избранным божественным творением...» [4. С. 292].

Это, по выражению В.М. Жирмунского, «стремление освятить всю полноту и всё разнообразие индивидуальной жизни и всякий отдельный человеческий путь» [2. С. 177] свойственно и другим романтикам: «В мировой храм сквозь широкие ворота входили все создания, и каждое из них обнаруживало свою особую природу в простой молитве и внятно высказывало её на своём особом языке», – говорит Новалис [5. С. 60].

Принцип индивидуальности как начало нравственности трактуется романтизмом как глубочайшая и самая своеобразная точка личного бытия, через которую личность коренится в целом, которая связывает её с Абсолютом. Как отмечает С. Л. Франк, личное своеобразие не есть замкнутость..., а предполагает универсальную восприимчивость и любовь. «Вне любви нет развития, вне самобытного развития нет завершенной любви; одно дополняет другое, и оба растут в неразрывной связи» [6. С. 33]. В индивидуальности, своеобразии личности романтики видят не проявление индивидуализма (эгоцентризма), а необходимое условие его преодоления и любви, «бесконечное единство» и «бесконечную полноту» (Ф. Шлегель).

Согласно романтизму, каждый индивид идёт к Богу через личные переживания, духовное общение и собственное творчество. Его моральность – следствие его индивидуального духовного развития – невозможна без любви. Через любовь человек обретает целостность, единство с Богом, бесконечным. Любовь в романтизме – глубочайший источник сознания – суть «томление по бесконечному». Ранние немецкие романтики полагают начало сознания в любви. Бог присутствует в душе человека через любовь. В любви воплощается вся душа человеческая, вся её полнота. И потому любовь – универсальный принцип романтической религиозной морали. Именно в чувстве, в любви раскрывается тайна человеческого бытия, тайна творчества, внутренней духовной жизни. В ней реализуется романтический принцип индивидуальной свободы – основы новой «этики любви». «Романтический» – это синоним «любовного». Отсюда культ любви в романтизме.

В любви, с точки зрения романтиков, раскрывается смысл всей человеческой жизни. «О любовь, притягательная сила духовного мира! – восклицает Ф. Шлейермахер. – Без тебя невозможны самобытная жизнь и развитие, без тебя всё растеклось бы в однообразную грубую массу! Правда, те, кто только и хотят быть та-

кой массой, не нуждаются в тебе; им достаточно закона и обязанности, однообразного поведения и справедливости. Они не знали бы, на что употребить сокровище этого святого чувства» [4. С. 296].

Любовь – это встреча родственных духов, «Я» и «Ты». Любовь переносит влюблённых в иной, божественный мир! «Если мир был бы как пара влюблённых, исчезла бы разница между поэзией и прозой», – говорит Новалис. Роман «Люцинда» Ф. Шлегеля проповедует не гедонизм, а настоящую «новую этику» любви... «Через тебя, – говорит Юлий Люцинде, – я понял жизнь и великолепие всех вещей. Всё для меня одушевлено, всё говорит со мной, всё свято. Когда так любишь, как мы с тобой, то и природа в человеке возвращается к её первобытной божественности» [2. С. 100].

В стремлении к высшей, божественной любви, в её экзистенции каждый человек, с точки зрения романтиков, полностью раскрывает себя, свою индивидуальность, своё своеобразие, свою неповторимость. В ней каждый реализует свою свободу. Только через любовь можно понять другого человека, «увидеть» его изнутри как нечто уникальное. Через любовь соединяются родственные души. В любви нам открывается Бог – вечная тайна мира... В любви каждый человек обретает полноту бытия, счастье. Счастье – конечная цель человеческой жизни, высший принцип романтической «этики любви». В этом её отличие от «формальной» этики Канта.

По Канту, желание счастья никак не может быть принципом морали, поскольку связано не с разумом, а с чувственной сферой, а потому и не становится долгом. Оно основывается на чувстве удовольствия и в этом смысле является субъективным. Чистый разум, как говорит Кант, не хочет, чтобы отказывались от притязаний на счастье; он только хочет, чтобы эти притязания не принимались во внимание, коль скоро речь идёт о долге, то есть о всеобщем законе. Не существует единого, объективного закона счастья... Добродетель и счастье у Канта – разные вещи. Счастье не может быть объективным и всеобщим, так как его каждый видит по-своему. Отсюда у Канта долг и счастье не всегда совпадают. Они могут даже противоречить друг другу. Кант проводит чёткую грань между «достоинством быть счастливым» и самим счастьем. «Достоинство счастья» связана с выполнением нравственных норм. Нельзя быть счастливым, не выполняя требований нравственности. Счастье же возможно только при условии выполнения «морали долга», то есть морали «доброй воли».

Романтическая позиция не отрицает нравственный долг, но отлична от кантовской в толковании соотношения категорий счастья и долга. Долг и счастье в романтической этике не противопоставляются, а рассматриваются в диалектическом единстве. Если в кантовской этике долг носит формально-отвлечённый характер, то в романтической – следование долгу исходит из конкретно-чувственной природы самого человека, из его стремления к высшему Благу. Быть счастливым – действительная цель и суть человека. Это стремление для него всего более желанно и необходимо. Поэтому быть счастливым – высший долг человека. В романтической морали этика долга (императивная этика) и эвдемонизм сливаются воедино.

Единство счастья и долга в романтической морали стало возможным вследствие иной, отличной от ортодоксально-христианской, философской антропологии, которая исходит не из греховности чувственной природы человека, а из её божественности. Романтики не верят «в коренную испорченность человека, в первоначальный грех; только оторванность от единого бесконечного источника есть начало всех страданий души человеческой» [2. С. 97]. Она же причина бесконечного стремления человека вернуться к Богу, его постоянного томления, ностальгии – «вернуться домой», то есть к себе. Новалис: «Таинственный путь всегда ведёт домой» [2. С. 109].

Чтобы обрести бесконечное счастье, каждый человек должен восстановить утерянную живую связь с Божеством – вечным источником жизни. «Источником идеала является горячая жажда вечности, томление по Богу», – говорит Ф. Шлегель. «В чём достоинство человека, как не в силе и решении стать подобным Богу и всегда иметь бесконечное перед глазами» (Ф. Шлегель) [2. С. 154]. Возврат к Богу – первоначально всего сущего – в романтизме есть высший долг человека и одновременно его высшее счастье. Быть счастливым – божественное состояние человека. Счастье, бывшее прежде высшим понятием эвдемонистической этики, становится в романтизме высшей обязанностью, долгом человека, основным канонам романтической этики. Оно не только не противоречит долгу, а наоборот составляет его смысл. Бесконечное – утерянное счастье, и по нему мы тоскуем. И если возврат к Богу, из которого мы вышли, – долг, то в нём и высшее счастье, беспредельная радость, бесконечно желаемое души человеческой. Словом, счастье – долг, обязанность человека и цель наших естественных устремлений.

В романтической этике счастье – это творческое состояние души человека, состояние любви. Такая любовь уносит на крыльях к Богу, она зовёт в дальнюю даль... Это романтическая любовь. Святой долг всех и каждого стремиться к высшему счастью, то есть к Богу. Это и понятно. Ведь нравственный долг каждого человека, согласно романтизму, реализовать свою божественную природу, свой идеал. Без этого какое может быть счастье! Потому долг в романтизме – это не кем-то возложенное тяжкое бремя, а внутреннее томление и стремление человека к бесконечному («Бремя моё легко»).

Но в романтизме речь идёт не об обычном счастье, которое можно удовлетворить в конечном. Романтики никогда не ищут наслаждения (счастья) как такового. Они вечные искатели необычного; их томление и желание не находят в себе предела, хотя то счастье, которое они ищут, такое же непосредственное, горячее,

земное, как и повседневное жизненное счастье. Это счастье мы переживаем в минуты экстаза, в высшие мгновения любви... Душа романтика ищет его, томится по нему как единственной цели жизни. Искание настоящей любви, то есть счастья, радости, романтик считает своим высшим долгом, ибо оно возвращает его в «золотой век» – «Царство Божие».

Новалис, самый религиозный из йенских романтиков, говорит о радости как о тайном смысле бытия, как о великом содержании мировой жизни. «Я понимаю теперь, что первоначальное состояние наше, если можно так выразиться, есть радость. Абсолютная радость вечна – она вне времени. Здесь уже в духе мы можем быть в абсолютной радости и в вечности» (Новалис) [2. С. 98-102]. Радость есть именно то, что в нас первоначально. Она внутри нас, её надо только почувствовать. Бог уже в душе человека, «Царство Божье» внутри нас есть. Этого состояния мы должны достичь в духовном творчестве. А это значит, что истинный человек в романтизме не святой, а свободный творец своего божественного образа.

Идеал человека, с точки зрения романтиков, – это нравственный, религиозный, целостный человек; героический тип, гений. Романтический герой – это учитель и пророк, проникший в божественную тайну, ведущий людей к Богу... Он посредник между Богом и людьми. Посредник есть тот, который нашёл в себе «центр». У Ф. Шлегеля он поэт, художник (гений). «Художник – это тот, кто имеет свой центр в себе самом. У кого его нет, тот должен выбрать вне себя определённого руководителя и посредника, конечно, не навсегда, но только на первое время. Ибо без живого центра человек не может существовать...» [7. С. 359]. В перспективе же все люди должны стать поэтами, творцами; иметь «свой центр в себе самом». Согласно Ф. Шлегелю, гений – это не «сверхчеловек», а «нормальный человек». «Иметь гений – естественное состояние человека. Здоровым он должен был выйти из рук природы» [7. С. 358]. («Совпадение индивида и его идеала всегда рассматривается как благосклонный дар природы, что является также и признаком *гения*» [7. С. 440]). Гениальность – «универсальное качество» человека, целостный, органический дух.

Некоторые современные исследователи романтизма (Ю. Н. Давыдов, А. С. Дежуров и др.) утверждают, что романтизму мораль вообще не свойственна, что он исповедует некую свободную художническую мораль, эстетическое отношение к жизни, то есть право абсолютной свободы гения как некую самоцель. Эта позиция приводит к провозглашению «имморализма» романтиков, их индифферентности в области морали.

Такой подход к истолкованию трактовки романтиками сущности морали восходит к Гегелю. Именно он дал негативную оценку «романтической иронии», видя в ней проявление крайнего субъективизма. Это послужило поводом для отдельных критиков не замечать идеи субстанциональности морали в философии раннего немецкого романтизма.

Высказывания В. Виндельбанда в плане интерпретации романтической морали также дали почву для её превратного толкования. Романтизм, по его мнению, есть эстетически трансформированный идеализм, который утверждает право гения устанавливать самому себе законы и быть выше правил обыденной жизни «рассудительного филистера». «Мораль гениев, как она представлена в «Люцинде», – пишет Виндельбанд, – обнаруживает свой эстетизирующий характер ещё и в том, что рассматривает незаинтересованное созерцание как этическую самоцель. Нравственная функция гения заключается в самонаслаждении своей творческой фантазией... Праздность – идеал гения, а леность – добродетель романтизма... Работа со всеми целями будничной жизни – это удел филистера, гений же... свободен и имеет только одну задачу – дойти до конца в переживании самого себя, полностью насладиться самим собой» [8. С. 273-274].

На самом же деле проведённый выше анализ позволяет утверждать, что романтическая этика – это именно «этика любви», вечного и неустанного творчества во имя слияния с Богом. И субъект её – гений, подлинное бытие которого сводится к религиозно-мистическому творчеству истинной культуры, которое можно определить как «теургию».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вейдле В. Умирание искусства / В. Вейдле // Самосознание европейской культуры 20 века. – М., 1991.
2. Жирмунский В.М. Немецкий романтизм и современная мистика / В.М. Жирмунский. – СПб., 1996.
3. Кант И. Религия в пределах только разума / И. Кант. – М., 1980.
4. Шлейермахер Ф. Речи о религии / Ф. Шлейермахер. Монологи. – СПб., 1994.
5. Новалис. Генрих фон Офтердинген. Фрагменты. Ученики в Саисе / Генрих фон Офтердинген. Новалис. – М., 1995.
6. Франк С.Л. «Личность и мировоззрение Фр. Шлейермахера» / С.Л. Франк // Шлейермахер Ф. Речи о религии. Монологи. – СПб., 1994.
7. Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика / Ф. Шлегель. – М., 1983. – Т. 1.
8. Виндельбанд В. От Канта к Ницше / В. Виндельбанд. – М., 1998.